

В пасхальную ночь — эпизод 3 из 6

После службы Дуня с бабушкой осторожно перебиралась через грязную церковную площадь. Во все стороны расползлись от церкви в густой весенней темноте мигающие огоньки «четверговых свечей»...

На крыльце ярко освещенной избы-читальни толпа молодежи. Слышатся смех, выкрики, шутки...

«Там он... Гриша, — уныло отметила про себя девушка. — Не придет послушать... все с комсомолом своим...»

И сейчас же, поймав эту невеселую думку, задорно сказала вслух:

— Подожди! В пасхальную ночь все-таки будешь меня слушать!

— О чем ты? — откликнулась старуха.

— Да так, бабушка... Вишь, греха не знают... Галдят да хохочут, когда люди от «страстей» идут...

— Ох, девонька, как только жить будем. — И старуха начала тянуть бесконечную нитку воркотни, где слышались антихрист и комсомол, церковь и колхоз.

Эта привычная Дуне нитка старушечьих дум только раздражала, толкала мысль в другую сторону, — туда, откуда слышался смех, где был Гриша. С ними ведь ей идти в жизнь, а не с этими отжившими старухами.

Что они понимают. Вся-то их радость дотащить до дому по грязи и потемкам непогашенную свечку...

И Дуня с досадой загасила свой ехидно подмигнувший огарок.

— Еще Гриша к огню разглядит. Смеяться станет.

В субботу с утра Дуня была на спевке. Вернулась домой как раз в то время, когда Гриша с киномехаником перетаскивали в боковую тяжелые шкатулки.

Ласково сцепившись глазами с Гришей, девушка все-таки недовольно подумала:

«На что только бабушка пустила какого-то... Натопчут перед праздником».

Но непривычный вид груза заинтересовал ее, и она спросила:

— С чем это приехали?

— С передвижкой, гражданочка, — приветливо откликнулся на певучий голос киномеханик, с трудом выволакивая ноги из месива грязи.

— Кино вам показывать будем. «Светлый город» — картина называется. Тут вот «Китайская мельница». Еще есть картина «Когда спящий пробуждается». С участием Игоря Ильинского. Очень занимательный сюжет. Хотя 32 процента годности... Перфорация подносилась... Только вот лампочек абсолютно дефицитное количество — две всего. Достаточно из-за этого затрудняюсь. Потому чуть перевернул — она и перегорела. Ваши, между прочим, деревенские к ветрогону привыкли... Как начнут крутить, так и перегар... в обязательном порядке.

Многое не поняла из речи городского парня деревенская девушка, но расспрашивать не стала. Постеснялась Гриши. Подумает еще: «какая бестолковая».

Торжественное настроение, с которым шла из церкви, исчезло. Резко махнула длинной косой и забежала в сенцы... Даже ноги не вытерла.

Больно кольнуло замечание приезжего:

— По старому режиму, видать, гражданочка... Косатая...

Вскоре в боковуху набилось народу. Пришел председатель, прибежал избач.

Дуня слышала, как горячился Гриша:

— Запереться, значит, на замок?.. в школе-то твоей? Обязательно на площади надо, и начать пораньше... до службы...

— Посмотрят и уйдут в церковь, — возражал председатель.

— Да ведь ты пойми — почему молодежь в церковь ходит в такие дни, — кричал Гриша и сам отвечал: — Там убранство, свечи палят не жалеючи, поют складно... Вот и тянет. А если мы на улице кино дадим, да еще громкоговоритель поставим, — кому она нужна будет... церковь-то?

«Ведь это он верно говорит», — отметила про себя Дуня.

Киномеханик тоже высказался за установку на улице, но опасался: вдруг дождь.

— Дожжу бы ровно не время, — успокоительно сообщает какой-то случайно забредший сюда старичина, — по всем приметам не должно быть. Только вот

народу смешение может произойти. Который, например, в церковь пошел, а тут ему картинку показывают. Грех, поди, так-то, и неудовольствие выйдет?

Это «вмешательство со стороны» окончательно решает вопрос в пользу площади.

«Стемнело.

Селение тонуло в том особенном сумраке, которым полны весенние звездные ночи, когда тонкий туман, подымаясь с земли, сгущает тени лесов и застилает открытые пространства серебристо-лазурной дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлет. Убогие хаты чуть выделяются темными очертаниями, кой-где мерцают огни; изредка скрипнут ворота; залает чуткая собака и смолкнет; порой выделяются фигуры пешеходов, проедет всадник, проскрипит телега. То жители одиноких поселков собираются в свою церковь встречать весенний праздник.

Церковь стоит на холмике, в самой середине поселка. Окна ее светят огнями. Колокольня, старая, высокая, темная, тонет вершиной в лазури.

Скрипят ступени лестницы... Старый звонарь Михеич подымается на колокольню, и скоро его фонарик, точно взлетевшая в воздухе звезда, виснет в пространстве...»

Это описание пасхальной ночи взято из «Весенней идиллии» В. Г. Короленко «Старый звонарь». Оно настойчиво вытягивалось из памяти двумя рычагами: сходства и полной противоположности. Точь-в-точь так, и совсем непохоже...

Село тонуло в густом весеннем сумраке. Была и тишина. Но в ней ни задумчивость, ни грусть, а напряжение борьбы и какая-то подготовка.